

Моим родителям

Клянусь и обещаю перед лицом Господа, творца и создателя всего сущего...

Никогда не учить секретам и тайнствам своего ремесла неблагодарных или неразумных...

Никогда не разглашать открытых мне тайн...

Никогда не давать никому яда...

Бежать, как чумы, и отречься от постыдных и губительных приемов шарлатанов, знахарей и алхимиков...

Не держать в своей лавке испорченных или дурного качества снадобий.

Пусть Божье благословение будет со мной, пока я соблюдаю эти правила!

Старинная клятва аптекаря

— 1 —

НЕЛЛА

3 февраля 1791 года

Она собиралась прийти на рассвете — женщина, чье письмо я держала в руках и чьего имени пока не знала.

Не знала я ни сколько ей лет, ни где она живет. Я не знала, какое положение она занимает в обществе, не знала, какие мрачные сны ей снятся, когда наступает ночь. Она могла быть жертвой или грешницей. Молодой женой или мстительной вдовой. Нянькой или куртизанкой.

Но, сколько бы всего ни было от меня скрыто, одно я понимала: эта женщина точно знает, кого хочет лишить жизни.

Я подняла розоватый листок, освещенный угасающим пламенем единственной свечи с тростниковым фитилем. Провела пальцами по чернилам, складывавшимся в ее слова, попыталась представить, какое отчаяние заставило эту женщину искать кого-то вроде меня. Не просто аптекаря, но убийцу. Искусного притворщика.

Требование ее было простым и прямым. «Для мужа моей госпожи, с завтраком. На рассвете 4 февраля».

Мне сразу пришла на ум средних лет служанка, исполняющая волю хозяйки. И отточенное последними двумя десятилетиями чутье тут же подсказало мне самое подходящее для такого случая средство: яйцо, приправленное *nux vomica*, рвотным орехом.

На приготовление уйдет пара минут; яд был у меня под рукой. Но по причине, мне пока непонятной, что-то в этом письме меня тревожило. Дело было не в тонком древесном запахе пергамента и не в том, как слегка загибался вперед левый нижний уголок, словно его когда-то омочили слезами. Нет, беспокойство поднималось во мне самой. Смутное осознание того, что с чем-то не нужно бы иметь дела.

Но какое неписаное предостережение могло содержаться в одном листе пергамента, покрытом следами пера? Никакого, уверяла я себя; в этом письме нет предзнаменования. Тревожные мысли мне просто навевают усталость — уже поздно — и неотпускающая боль в суставах.

Я занялась своим переплетенным в телячью кожу журналом, который лежал передо мной на столе. Мой бесценный журнал был книгой жизни и смерти, списком множества женщин, получавших снадобья здесь, в мрачнейшей из аптекарских лавок.

На первых страницах журнала чернила были светлыми, их нанесли более легкой рукой, не знавшей горя и неприязни. Те выцветшие, истертые записи сделала моя мать. Аптечная лавка для женщин в третьем доме по Малому переулку принадлежала ей задолго до того, как стала моей.

Временами я читала ее записи — «23 марта 1767 года, миссис Р. Рэнфорд, Тысячелистника трава, 15 др., трижды», — и слова навевали воспоминания о ней: о том, как ложились ей сзади на шею волосы, когда она толкла пестиком стебли тысячелистника, или о натя-

ТАЙНАЯ ЛАВКА ЯДОВ

нутой, как бумага, коже ее рук, когда она лущила семена из цветочной головки. Но моя мать не прятала свою лавку за обманной стеной, она не подсыпала свои снадобья в сосуды с темным красным вином. Ей не было нужды скрываться. Настойки, которые она отпускала, были предназначены лишь во благо: успокоить воспаленные, нежные места на теле молодой матери или принести месячные бесплодной жене. Так она заполняла страницы своего журнала самыми благотворными растительными снадобьями. Они ни у кого бы не вызвали подозрений.

Конечно, я на своих страницах тоже писала о крапиве, иссопе и амаранте, но также и о снадобьях более зловещих: белладонне, чемерице и мышьяке. Следы чернил в моем журнале скрывали предательство, муку... и мрачные тайны.

Тайны о полном сил юноше, которого накануне венчания подвело сердце, или о том, как крепкий молодой отец вдруг пал жертвой лихорадки. Мой журнал раскрывал все: дело было не в слабых сердцах и не в лихорадках, вовсе нет, но в соке дурмана и белладонне, добавленных в вино и пироги хитрыми женщинами, чьи имена пятнали мой журнал.

О, если бы только журнал открывал и мою тайну, то, как все это началось! Потому что я отметила на этих страницах всех жертв, кроме одной. Фредерик. Резкие, черные очертания его имени марали только мое угрюмое сердце, мое истерзанное чрево.

Я бережно закрыла журнал, потому что нужды в нем мне сегодня не было, и вернулась к письму. Что меня так встревожило? Я так и не могла отвести взгляд от края пергамента, словно под ним что-то ползало. И чем дольше я сидела за столом, тем сильнее у меня болел живот, тем больше дрожали пальцы. Колокольчики повозки вдали, за стенами моей аптеки, звенели пугающе

САРА ПЕННЕР

похоже на цепи на поясе констебля. Но я уверяла себя, что констебли сегодня не придут, как не приходили последние два десятка лет. Моя лавка, как и мои яды, были слишком умно замаскированы. Никто не нашел бы это место; оно было скрыто глубоко за стенкой шкафа в конце извилистого переулка в темных глубинах Лондона.

Я перевела взгляд на покрытую сажей стену, которую мне недоставало ни решимости, ни сил отскрести дочиستا. Увидела свое отражение в пустом флаконе на полке. В моих глазах, когда-то ярко-зеленых, как у матери, теперь почти не было жизни. Щеки, когда-то оживленные румянцем, стали желтыми и впалыми. Я выглядела призраком, гораздо старше своего сорока одного года.

Я принялась бережно растирать круглую косточку на левом запястье, распухшую от жара, как камень, забытый в огне. Боль в суставах годами переползала по моему телу; она стала так мучительна, что во время бодрствования не покидала меня ни на час. Каждый яд, который я отпускала, приносил мне новую волну боли; иногда вечерами пальцы так опухали и костенели, что я была уверена — кожа вот-вот лопнет и обнажит то, что под нею.

Так сказались на мне убийства и тайны. Из-за них я начала гнить изнутри, что-то собиралось разорвать меня.

Воздух вдруг сделался затхлым, и под низким потолком моей тайной комнаты за клубился дым. Свеча почти догорела, и вскоре капли лауданума окутают меня тяжелым теплом. Давно наступила ночь, она придет уже через несколько часов — женщина, чье имя я внесу в свой журнал и чью тайну начну распутывать, какая бы тяжесть ни рождалась во мне от этого.

КЭРОЛАЙН

Наши дни, понедельник

Я не должна была оказаться в Лондоне одна. Праздничные поездки в честь годовщин предназначены для двоих, не для одного, и все-таки, когда я вышла из гостиницы на яркое солнце лондонского лета, пустое место рядом со мной говорило об обратном. Сегодня, в десятую годовщину нашей свадьбы, мы с Джеймсом должны были быть вместе, вместе идти к «Лондонскому глазу», колесу обозрения на берегу Темзы. Мы забронировали ночную поездку в вип-кабинке, с бутылкой игристого и личным официантом. Я неделями представляла себе, как качается под звездами приглушенно освещенная кабинка, как мы смеемся, прерываясь только на звон бокалов и соприкосновение губ.

Но нас с Джеймсом разделял океан. Я была в Лондоне одна: расстроенная, злая и уставшая после перелета, и мне предстояло принять решение, которое должно было изменить мою жизнь.

Вместо того чтобы повернуть на юг, к колесу обозрения и реке, я направилась в противоположную сто-

рону, к собору Святого Павла и Ладгейт-Хилл. Ища глазами ближайший паб, я чувствовала себя до мозга костей туристкой — в серых кроссовках и с большой сумкой через плечо. В ней лежала моя записная книжка, исписанная синими чернилами и сердечками на полях — расписание нашей десятидневной поездки. Я только приехала, но читать нашу программу для двоих и игривые замечания друг другу было невыносимо. «Саутуарк¹, экскурсия по парку для пар», — написала я на одной странице.

«Упражнение по заделыванию детей за деревом», — нацарапал рядом Джеймс. Я собиралась надеть платье, ну, на всякий случай.

Теперь записная книжка была мне не нужна, и я отменила все, что в ней было запланировано. Когда я подумала о том, что еще вскоре придется отменить, у меня зашипало в горле от подступивших слез. Наш брак? Мы с Джеймсом были вместе с колледжа; я не знала жизни без него. Я себя без него не знала. И с надеждой на ребенка тоже придется попрощаться? От этой мысли у меня свело живот — мне нужно было куда больше, чем нормально поесть. Я так хотела стать матерью: целовать крохотные идеальные пальчики ног и дуть в круглый животик своего ребенка.

Пройдя всего квартал, я заприметила вывеску над пабом, «Таверна Олд Флит». Но не успела я войти, как мне махнул стоявший на тротуаре потрепанный мужчина в запачканных брезентовых штанах и с папкой-планшетом. На вид ему было лет пятьдесят с чем-то, он широко улыбнулся и спросил:

— Не хотите попробовать себя в мадларкинге?

¹ Southwark (*англ.*) — один из 32 лондонских районов, расположенный на южном берегу Темзы.

ТАЙНАЯ ЛАВКА ЯДОВ

«Мадларкинге? — подумала я. — Это какая-то настольная игра или спорт?»

Я вымученно улыбнулась и покачала головой:

— Нет, спасибо.

От него было не так-то легко отвязаться.

— Читали когда-нибудь викторианских авторов? — спросил он; я его едва расслышала из-за сигнала красного туристического автобуса.

Тут я остановилась. Десять лет назад я получила в колледже диплом по британской истории. Оценки у меня были приличные, но меня всегда больше интересовало то, что оставалось за пределами учебников. Сухие, формальные главы просто не интересовали меня — в отличие от заплесневелых старинных альбомов, хранившихся в архивах старых зданий, или оцифрованных выцветших эфемер, театральных программ, данных переписей, списков пассажиров, которые я находила в сети. Я часами могла рассматривать эти на первый взгляд бессмысленные документы, пока мои однокурсники встречались в кофейнях, чтобы заниматься. Я не могла связать свои необычные интересы ни с чем конкретным, просто знала, что обсуждение гражданских революций и жадных до власти мировых лидеров нагоняло на меня зевоту. Для меня очарование истории состояло в мелочах давно ушедшей жизни, в нерассказанных тайнах обычных людей.

— Кое-что читала, да, — сказала я.

Конечно, мне нравились многие классические британские романы, я запоем читала их в школе. Временами я жалела, что не пошла на филологический, казалось, это больше соответствовало бы моим интересам. Чего я не сказала, так это того, что не читала ничего из викторианской литературы — или, если на то пошло, никого из своих прежних английских любимцев — уже